

О. М. Морозова, Т. И. Трошина

ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ СЛЕД В ЖЕНСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 63—73

На материалах автобиографических повествований активных участниц событий изучается женское поведение в период политических и социальных катаклизмов начала XX в. Выдвинуто предположение, что политическая активность, проявляемая работницами, имела в своей основе сугубо традиционалистскую подоплеку. Участие в сообществах артельно-земляческого типа подготавливало женщину к кружковой работе, авторитет мужа и старших мог привести ее вслед за ними «в политику» в качестве преданной исполнительницы. Опасливость сочеталась у женщин с чувствительностью к абстрактным обещаниям, например лучшей жизни, а их публичное скандальное поведение становилось провокацией массовых акций.

Ключевые слова: русская революция, гендерная история, женские нарративы, традиционно-патриархальные модели женского поведения.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.6

O. M. Morozova, T. I. Troshina. Patriarchal trace in female revolutionary activity

The authors of the article emphasize that the reconstruction of revolutionary events in the most accessible synchronic documents, deposited in the archives, and in the other sources does not reflect the some of the semantic aspects of these events that do not clearly show the special role in this events of women. This seems to be true not only of women of those stratum, which already during the decades before 1917 enriched the ranks of revolutionaries (nobility, clergy, intelligentsia), but also from traditionalist, peasant layers — and not only in cases where women were marginalized, without the support of the family or moving to the “urban lower classes”.

The lack of sufficiently representative documents that could reconstruct the real activity of women in revolutionary events prompted the authors to carefully

© Морозова О. М., Трошина Т. И., 2017

Морозова Ольга Михайловна — доктор исторических наук, профессор кафедры связей с общественностью, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, olgafrost@gmail.com (Dr. Sc., Professor at the Public Relations Department, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia).

Трошина Татьяна Игоревна — доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, tatr-arh@mail.ru (Dr. Sc., Professor at the Social Work and Social Security Department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia).

analyze the few sources, primarily of personal origins (memories, later recorded stories, etc.), in which there is some information about the motives for women involvement in revolutionary activities, the reasons that forced them to break out of patriarchal chains — which however hard and difficult — still provided some protection.

This article studies behavior of women in the period of political and social cataclysms at the beginning of the XX c., based on autobiographical narratives written by women — active participants in events. The authors suggest a version that the political activity shown by female workers was based on a purely traditionalist background. Participation in artel and territorial types of communities could lead to a participation in political and other forms of collaboration. The authority of a husband and other men could encourage a woman (wife, daughter, sister, sometimes even a mother) to follow them “into politics” as a devoted performer. The inherent caution of women was combined with their sensitivity to abstract promises, for example, the promise of a better life. The scandalous public behavior of the women acted as a trigger of mass actions.

On a large number of concrete life histories the authors present pictures of the inclusion of women in various forms of self-protective, emancipatory, political activities.

Key words: the Russian revolution, gender history, female stories, traditional and patriarchal models of female behavior.

Удивившее человечество в начале XX в. явление — социалистическая революция в далеко не передовой в социальном и экономическом отношении стране — задало правоверным марксистам загадку, кто же выступил в этой революции орудием прогресса. В самом низу российской пирамиды доминирования находились миллионы женщин-простолюдинок, крестьянок и мещанок, подчиненных всем — от царя-батюшки до отца-деспота и мужа-самодура. Но ни один бунт не обходился без их участия. В годы Первой мировой войны женщины — солдатки и работницы были основными подстрекателями и зачинщиками беспорядков в тылу [Канищев, 2001; Кирьянов, 1993]. В газетах 1917 г. отдельно отмечается активное участие женщин в митингах, демонстрациях и других общественных акциях. Ликвидация в феврале 1917 г. традиционных авторитетов — монарха и всей завязанной на нем властной вертикали — привела к усилению в стране общественной активности, причиной которой было в числе прочего повышение нервозности населения в условиях исчезновения привычных ориентиров. Женщины по причине их высокой эмоциональности оказались наиболее уязвимы и беззащитны перед этим испытанием. Спустя годы активные участницы революционных событий охотно писали воспоминания, заявляя о своей природной предрасположенности к идеям классовой борьбы и сознательном восприятии задач пролетарской революции.

В 2015 г. авторы данной статьи закончили исследование в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Женский революционный нарратив: исторический, психологический, социальный контекст», в ходе которого собрали и изучили хранящиеся в архивах Российской Федерации, Украины, Азербайджана, Латвии многочисленные воспоминания тех, кто именовали себя старыми революционерками. Основная масса их — представительницы низших слоев, женщины с невысоким уровнем образования и столь же невысокой степенью

рефлексии. Среди вопросов, ответы на которые мы искали в этих документах, выделялся главный: что же толкнуло этих женщин в гущу событий? Для интерпретации наиболее спорных моментов в текстах привлекалась разработанная архангельским психологом М. Л. Кубышкиной экспертная система ВААЛ (2005 г.), в основу которой был положен контент-анализ в сочетании с психолингвистическими методами [Кубышкина, 1997]. Неожиданным стал вывод специалиста о том, что для большинства мемуаристок была характерна традиционная модель женского поведения, тем не менее она не воспрепятствовала их активному участию в революционных и военных событиях.

В связи с этим выводом мы поставили отдельную задачу — выявить конкретные социальные и ситуативные условия и ментальные императивы, которые влияли на массовое женское поведение в предреволюционные годы и в самом начале революции. Объектом исследовательского внимания стали женщины-простолюдинки, в основном те, кто до 1917 г. работали по найму за гроши и никакими «идеями» не интересовались.

Данный аспект прошлого освещен недостаточно, преимущественно авторы обращались к судьбам выдающихся женщин-революционерок. Это было в традиции советской историографии и характерно для современных исследований [Головков, 2010; Женщины-террористки в России, 2000]. Если же речь и заходила о бабах-бунтарках, то как о части народных движений. На «массовичек» обратили внимание в своей третьей книге о женском революционном движении в России А. Хильяр и Дж. Мак-Дермид [Hillyar, McDermid, 2000]. Ее основой стали биографические материалы, собиравшиеся в 1920-х гг. по линии Истпарта, Общества старых большевиков и Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, т. е. серийные документы с довольно стандартизированной структурой и содержанием, а также материалы из столичных архивов. Мы же изучали поведение наиболее массового слоя женщин, вовлеченных в протестное движение в предреволюционный период и проявивших политическую активность сразу после ликвидации монархии. Хотя и «сознательные работницы» интересовали нас как своего рода контрольная группа по отношению к этим «массовичкам». Да и граница между ними крайне зыбка: «сознательные» не реже несознательных путали эсеров с большевиками, а управу исполкома с Советом депутатов.

А. М. Коллонтай утверждала, что революция породила новый тип женщины, незамужней и независимой. Она работает и самостоятельно определяет свой образ жизни. В действительности такой женский тип появился задолго до революции под влиянием демографического перехода, индустриализации и урбанизации. Новым по своей сути этот типаж не был. В нем органично сочетались традиционные женские роли с чертами, появившимися под влиянием широких социальных трансформаций.

На рубеже XIX—XX вв. социальные и экономические требования, влияющие на формы устройства в жизни выходцев из малоимущих слоев общества, изменились. Возникла объективная необходимость в женских профессиях, нужных эпохе индустриального развития. Из наиболее массовых была профессия портнихи. Путь к ней лежал через ученичество — время унижений и обид, а потом наступал другой тяжелый период — работа в мастерской на хозяйку. Бывшие портнихи есть и среди известных революционерок: Г. Гельфман,

Ц. Зеликсон-Бобровская. Только когда портниха приобретала опыт, клиентуру, покупала собственную швейную машинку, она становилась по-настоящему уважаемым человеком, но горечь старых обид делала ее чувствительной к любым разговорам о лучшем устройстве мира. Так, в 1905 г. в бакинском союзе портных тон задавали высококласные портнихи, которые, пользуясь своим исключительным положением, помогали радикалам не только деньгами, но и активным содействием [АПД УДПАР, д. 55, л. 4 об.].

В Архангельской губернии судьбы женщин в эпоху индустриализации, которая пришлась на рубеж XIX—XX вв., были примерно схожи. Крестьянки в детстве и ранней юности работали в городе прислугой. На Севере не считалось зазорным, чтобы девушка до замужества заработала «на сарафан» (т. е. на скромное приданое). Архангельск был небольшим городом, его численность стала возрастать только в начале XX в. в основном за счет сельского населения. У подавляющего большинства горожан были родственники в деревне, земляки. Девушки-крестьянки обычно нанимались на работу в знакомые или родственные городские семьи.

Любопытство, а также желание познакомиться с молодыми людьми из своего круга заставляли девушек в нарушение традиционной застенчивости выходить на улицу, в том числе и во время различных массовых мероприятий. Митинг в данном случае мог стать заменой традиционных посиделок и погулянок. Работница одного из архангельских лесозаводов, Прасковья Фролова, бывшая первоначально прислугой, описывала свой первый опыт участия в демонстрациях 1905 г., после чего ее «все время звали политиканткой», потому что она «всем интересовалась» [ГААО ОДСПИ, оп. 4, д. 144, л. 4—5].

Если девушка-прислуга не была просватана за крестьянина, она нередко не возвращалась в деревню, оставалась в городе и переходила на фабрично-заводскую работу. На заводах женщины стали трудиться только в годы Первой мировой войны (в Архангельской губернии это была тяжелая, неквалифицированная работа на лесопильных и деревообрабатывающих предприятиях). До этого они были «держателями» казарм — общежитий для одиноких рабочих, т. е. выполняли ту же работу прислуги: убирали казармы, стирали белье, готовили. Так или иначе они включались в политическую деятельность проживавших в казармах мужчин. Крестьянки становились работницами и тогда, когда различные обстоятельства вынуждали их приехать в город к мужу-отходнику, чей заработок не позволял содержать семью.

Далеко не каждая молодая работница оказывалась в сфере влияния радикальных идей. Для этого нужны были особые качества. Как отмечала дочь стрелочника Паша Карташева, была она в молодости бедовая, вот ребята из мастерских и втянули ее в стачки и в распространение прокламаций [ЦДНИРО, д. 1328, л. 137—138]. Но и сопротивление патриархальной среды было существенным. В 1903 г. отец зверски избил табачницу Волкову, имевшую кружковое прозвище Жанна, за то, что она ходила на собрания, отбил ей легкие, и она вскоре умерла [там же, д. 303, л. 1].

Случалось, что провоцирующим массовые волнения моментом были обиды, нанесенные женщинам. Стачка рабочих Владикавказской железной дороги в мае 1902 г. началась на станции Тихорецкая на волне возмущения делом

Золотовой, подвергшейся групповому изнасилованию в полицейском участке [там же, д. 1354, л. 5]. Ноябрьская стачка того же года в Ростове-на-Дону приобрела общегородской характер после избиения казаками работниц табачных фабрик Асмолова, Кушнарева, Асланиди [там же, л. 13]. Но это не значит, что мужчины поднялись движимые чувством благородного негодования. Их к тому подвигли немилосердные стенания баб, которые ругали мужчин на чем свет стоит, призывая отомстить и провоцируя на протестное выступление. А. Н. Энгельгардт писал: «Бабы всегда осиливают мужиков. И тот, кто заводит какое-нибудь новое дело, чтобы иметь успех, должен прежде всего обратить внимание, насколько будут задеты бабы интересы в этом деле, потому что вся сила в бабах» [Энгельгардт, 1956: 175].

Важную роль в приобщении женщин-простолюдинок к революционному движению играло видение ими путей социального и материального подъема. Нередко эти пути лежали через кружковую деятельность. В кружке можно было получить помощь в подготовке к экзаменам, деньги для оплаты курсов, т. е. поддержку, которой многие девушки были лишены в жизни. Первоначально девушек-работниц привлекала возможность найти там бесплатных репетиторов, чтобы приобрести знания для сдачи экзаменов, которые были условием получения хорошо оплачиваемой работы. Дополнительный интерес представляло повышение в глазах окружающих личного статуса, возможность завести в кружке престижные знакомства (среди студентов и служащих) и даже выйти замуж. Девушка из бедной семьи Софья Цукерблюм нашла в кружке мужа-учителя [НАРА ХДНИ, д. 74, л. 12], работница табачной фабрики Елизавета Торсуева — мужа-врача, М. М. Резанова [Анисимова, Бобров, 1968]. Так революционность становится одной из стратегий жизненного устройства.

Крестьянская девочка Малова, уроженка Казанской губернии, поступившая на службу прислужкой к учительнице Виноградовой, была буквально соблазнена «прелестными речами» приехавших на лето студентов. Они ее уверили, что если она будет им предана и будет выполнять их поручения, то случится так, что ее безземельный отец станет землевладельцем, а сама она больше не будет служить своей хозяйке. Ей было дано задание по ночам, переодевшись в мужскую одежду, чтобы не привлекать ненужного любопытства, подбрасывать во дворы книжки «возбуждающего характера». Студенты купили ее отцу лошадь, и он возил их по окрестным селам, когда они приезжали в уезд из города. Но в 1905 г. во время крестьянских волнений отец погиб. Годы после этого Малова жила обычной жизнью. Февраль 1917 г. ее застал в Тифлисе, где работала горничной у поручика. Он среагировал на неожиданные для него речи прислуги о наступившей свободе закономерно — указал ей на дверь. Оказавшись на родине, девушка связалась со старыми знакомыми и включилась в революционную деятельность [ЦДНИРО, д. 727, л. 1].

Но все же типичным для женщин-простолюдинок было убеждение в ответственности мироустройства с царем-батюшкой и господами наверху. Когда одна из ростовских трамвайщиц, бывшая деревенская девушка, впервые услышала речь о необходимости свержения царя, то испытала сильное потрясение [там же, д. 1328, л. 18].

Патриархальный мир не готов был сдаваться. Ц. С. Зеликсон-Бобровская, работавшая в 1904 г. в Баку под кличкой Ольга Петровна, вспоминала реакцию жен рабочих на ее участие в митинге: они говорили, что она взялась не за свое дело, называли бесстыдницей. Она также отмечала, что политическую активность проявляли лишь ремесленницы, т. е. женщины, зарабатывавшие своим трудом. И только после того как в результате забастовки была увеличена зарплата и сокращен рабочий день, бабы перестали пилить своих мужей за оставку работы [АПД УДПАР, д. 212, л. 19, 22].

На ростовских табачных фабриках трудились в основном женщины, небольшое количество мужчин-слесарей предпочитали держаться отдельно от них. Забастовки и локауты, устраиваемые табачниками, они считали для себя необязательными, продолжали работать и даже не давали табачникам бить представителей администрации, которые знали, что в острый момент можно укрыться за спинами слесарей. В 1917 г. после образования союза табачников в него вошли только женщины, мужчины вступили в союз металлистов [ЦДНИРО, д. 1328, л. 4]. Проявилось традиционное деление на мужские и женские занятия.

Когда весной 1917 г. Анну Коростылёву избрали в Совет депутатов, об этом было сообщено в газете — ее мать пришла от этой новости в крайнее беспокойство. Анна в дальнейшем описала это событие такими словами: «...и она поняла, что это нехорошее дело, чтоб женщину-солдатку в газете протянули! Прихожу домой с работы — она, обняв газету руками, сидит и плачет. Я спрашиваю, что случилось, а она меня хлестает по щекам: до чего ты, дескать, домоталась, что даже в газету попала. Тут пришли соседи, объяснили ей, что это дело неплохое, что это выбирают лучших людей, а она все твердит, что гласным думы мог быть только барин, а тебя, дуру, в насмешку поставили» [там же, д. 604, л. 29 об.].

Эта инерция имела и свои плюсы — для революции, конечно. До 1917 г. градоначальство, полиция, жандармерия продолжали не замечать активность женщин-работниц. Если мужчины, участвовавшие в экономических забастовках, ночами дома не показывались, чтобы не быть арестованными, то женщин, также принимавших в них участие, не трогали, считая их «барашками», которых куда погонят, туда они и идут [там же, д. 1328, л. 17].

Очевидным является утверждение, что неудовлетворенность толкала в протестный лагерь. Но в случае с недовольными женщинами важен был и фактор неудавшейся семейной жизни. Ульяна Тумская, 1875 года рождения, и после замужества продолжала работать. В 1902 г. она впервые услышала речь агитатора, сказавшего, что придет время и власть будет в рабочих руках, и стала завсегдатаем всех сходок и митингов: «С тех пор у меня пошло это стремление, где что ни говорили, я была везде» [там же, л. 142]. Там она познакомилась со слесарем Алексеем и вышла за него замуж. После Февральской революции тот активно сотрудничал с советскими органами и эвакуировался вместе с ними в мае 1918 г. Ульяна уехала тоже, но вскоре уговорила мужа вернуться назад. И их дом стал явочной квартирой ростовских подпольщиков [там же, л. 142—145].

Среди деревенских насельников всегда встречались семьи лохмотников. Неудачи во всех делах рождали протест по отношению ко всему, он передавался от отцов к детям. Так, отец уже упоминавшейся Анны Коростылёвой, народный

учитель, был, по ее словам, «протестантом», не верил ни в Бога, ни в царскую власть. Он намеренно провоцировал общественное мнение своим безбожием, конфликтовал с местными властями, за что и был осужден к заключению, а семью оставил в нищете и безденежье, хотя часто говорил о неизбежности лучшей жизни. Протест становился поведенческой матрицей, руководящей реакцией на всякие острые ситуации. Ребенком Анна переступала запреты, казавшиеся ей несправедливыми. Наказания и унижения только укрепляли ее сопротивление. Повзрослев, она стала открыто выражать свое несогласие с решениями лиц, которые другим женщинам ее круга казались непререкаемыми авторитетами. Это и привело ее в 1917 г. к роли лидера ростовских солдаток.

Число работающих женщин особенно выросло в годы Первой мировой войны: требовался приток новых человеческих сил в сферы занятости, освобождаемые мобилизованными, и расширение числа участвующих в работе обороны и тыла. Летом 1915 г. ростовская газета «Приазовский край» сообщала о появлении новой профессии как о событии, из ряда вон выходящем: «Кондукторша — это очень грубо, гораздо приятнее звучит кондуктриса. Называют же начальниц женских гимназий директрисами...» [ГАРО, ф. Р-2599, оп. 1, д. 53, л. 162]. Ростовский трамвай принадлежал бельгийскому акционерному обществу, поэтому там существовал профсоюз, который добился, чтобы на места демобилизованных на войну рабочих принимали их жен; так первыми женщинами-кондукторами стали жены трамвайщиков. Принимали на эту должность только грамотных, умеющих писать и считать. Когда в октябре того же года профсоюз начал экономическую забастовку, администрация рассчитывала использовать трамвайщиц в качестве штрейкбрехеров, пообещав двойную оплату за работу во время забастовки. Некоторые женщины согласились, но далеко не все. Забастовка закончилась победой, и зарплата была повышена. Многим это придало уверенности в своих силах [там же, л. 165].

Удивительным образом все, что происходило в те годы, толкало людей в поле общественной активности конфликтного характера. Так, солдатка, пока ей полагался от государства паек, была желанным членом в семье мужа. Когда паек перестал выдаваться (в 1917 г. в связи с пересмотром условий предоставления такой социальной помощи, а также по причине недостатка средств на местах), родственники мужа могли выгнать ее из дома, и она была вынуждена пойти на сожительство с мужчиной, согласившимся ее приютить. Вернувшийся с фронта муж требовал развода, и женщина при поддержке односельчанок начинала бороться за свое право при разводе получить долю в общем хозяйстве [ГААО, ф. Р-124, оп. 1, д. 402, л. 169, 169 об.].

Именно на женщин могли опереться советские активисты, занимавшиеся «учетом» продовольственных запасов у зажиточных граждан и промышленных товаров в торговых лавках, а также переделом земли. Содействуя им, женщины решали проблему обеспечения питанием своих семейств [ГААО ОДСПИ, оп. 4, д. 144, л. 19].

С 1916 г. прием женщин на промышленные производства приобрел широкие масштабы. Они работали помощницами слесарей, разметчицами, браковщицами, фасовщицами. Начавшийся в 1917 г. развал армии сказался на положении женщин, занятых на промышленных производствах. В июне в Таганроге на Русско-Балтийском заводе работала комиссия городского Совета рабочих и солдатских

депутатов, задача которой заключалась в выявлении лиц, имеющих иные источники к существованию, помимо заработка, с целью освобождения рабочих мест для безработных. Среди назначенных комиссией к расчету оказались разметчицы, браковщицы, реже — работающие у станка. Как средства к существованию у таких работниц рассматривались: заработок хотя бы одного из членов семьи, состоящей пусть даже из 13 душ, сдача углов и комнат в собственном доме и наличие другой специальности (многие из работниц в молодости обучались портняжному делу). Заработок этих женщин мог составлять до 100 руб. в месяц, что и стало причиной «охоты на ведьм» на заводе. Инициатива удаления с производств женщин принадлежала солдатской секции Совета. Демобилизованные или отправленные в длительный отпуск для излечения от ран и болезней солдаты нуждались в рабочих местах. Традиционно считалось, что обеспечением женщин должны заниматься мужчины их семей. Поэтому женщин в первую очередь лишали должностей, не учитывая их реального материального положения. Это касалось и тех должностей, которые требовали особого образования или навыков. На места машинисток, стенографисток, секретарш не задумываясь принимали солдат-инвалидов, нередко почти неграмотных.

Подобная «зачистка» производств проходила по всей стране. Нуждаясь в заработке, женщины уходили на должности нянечек и санитарок в военно-полевые госпитали, а в их составе им была прямая дорога в одну из армий [ГАОО].

Но большинство женщин приветствовали возвращение мужчин с фронта, ведь война приводила к разладу в семейном хозяйстве. В сентябре 1916 г. Ростовским отделением военной цензуры была задержана открытка, склеенная из двух. Внутри был обнаружен текст предосудительного содержания. Меланья Филипповна Дуванова писала мужу-военнопленному в Германию: «Сергей Васильевич, у нас Россия почти гола и голодна. У нас в Богославке хлеба почти нет. Должно, заскубют нашего Николку; ума нема... воевать; только люди пропадают» [ГАРО, ф. 116, оп. 1, д. 15, л. 59]. В 1917 г. женская часть митингующих стала проявлять симпатии к большевистским ораторам благодаря их антивоенным речам [ЦДНИРО, д. 303, л. 3].

Крестьянки и мещанки восприняли революцию как освобождение от семейного угнетения и домашнего затворничества. Из речей архангельских крестьянок на собраниях, посвященных сбору воспоминаний о революции, следует, что избавление от ига капитала и побоев мужа были для них равноценны. И это при том, что у одной из выступавших муж сидел при белых в тюрьме и она преданно добивалась свидания с ним [ГААО ОДСПИ, оп. 3, д. 581, л. 14]. Майкопские бабы обсуждали свободу так: «Пусть мне муж больше не говорит “стерва”» [НАРА ХДНИ, д. 66, л. 64 об.—65].

Политические формы новой демократии тяжело давались народным массам. Их реакции на нововведения настолько поражали просвещенную публику, что ее представители особенно старательно фиксировали примеры подобного рода. Допуск женщин к участию в сельских сходах сопровождался обменом остротами. Мужики-односельчане говорили: «Проходите вперед, бабоньки, ведь вы у нас теперь равноправные, вместе воевать пойдем». И получали на это достойный ответ: «Ладно, мы воевать, а вам придется ребят рожать да нянчить» [ГАНИПО].

Выборы в Учредительное собрание вообще были за гранью их понимания. Девушка-прислуга, явившись в исполком Ростовского Совета за разъяснениями, рассказала следующее: «Наш приказчик один говорил, что тут есть такой список, если за него подпишешься, то больше работницей не будешь, потому что тогда не будет ни бедных, ни богатых, а будут все равны и называться будут “товарищи”» [ЦДНИРО, д. 84, л. 2]. Деревенские бабы нередко становились объектом недобросовестной агитации в день выборов. Местная милиция сгоняла их в помещение правления и настойчиво рекомендовала голосовать за № 1. «Нонче у нас всех баб сгоняют в школу, квитки какие-то отбирать будут», — говорила деревенская «свободная, равноправная гражданка» [СОМК].

В условиях беспрецедентной агитационной работы среди всех слоев населения во время подготовки к выборам 1917 г. (в Учредительное собрание, в местные органы власти различных видов, в земства, прежде всего в волостные) женщины оказались разделены на группы в зависимости от своего статуса именно в традиционной среде. Например, замужние женщины, чьи мужья были дома, или те, кто относительно благополучно проживали в семьях отцов либо свекров, готовы были передать свое «право голоса» старшим мужчинам. Другие женщины, прежде всего в деревнях, у которых мужчины были на фронте или погибли там, находились в плену или на городских работах, становились особым объектом агитации. Политические партии боролись за их голоса не столько между собой, сколько с семейными авторитетами. Так, направленный в отдаленную волость Каргопольского уезда для организации выборов волостного земства помощник уездного комиссара сообщал, что хотя его предложение прошло большинством голосов, но это большинство женское. А так как против волостного земского самоуправления выступали в основном старики, то у него не было уверенности, что при соответствующем внушении женщины не изменят своего мнения во время повторного голосования [ГААО, ф. 1988, оп. 1, д. 43, л. 16, 24, 25].

1917 г. раскачал ситуацию в стране. На окраинах России началась трехлетняя «чехарда» режимов. Женские массы в этих условиях вели себя столь же неровно. Донские «старые революционерки» откровенно рассказывали на истпартовских вечерах воспоминаний, что при Советах они охотно участвовали в различных мероприятиях, а при казаках уходили полностью в семью и быт [ЦДНИРО, д. 1328, л. 7].

Смена властей непременно сопровождалась уличными расправами, где женщины выступали как основной провоцирующий элемент. Уход советских отрядов из Ростова в декабре 1917 г. после недельной власти коммуны открыл первый период уличного террора, в котором женщины сыграли свою роль. Одни намеренно выдавали всех связанных с ушедшими отрядами. Другие могли делать это по бабьей глупости. Бывший красногвардеец Николаенко вспоминал: «Я живу в Нахичевани, 7-я линия, у дяди, на квартире еще одна семья сапожника с фабрики; волнуюсь, боюсь попасть на язык к бабе, что был с винтовкой...» [там же, д. 813, л. 4].

Во время же установления советской власти погибало немало гимназистов, студентов, чиновников технических ведомств, на которых женщины натравливали красноармейцев как на офицеров. Не только посторонняя баба могла показать, где живет «офицер» или даже «генерал», но и прислуга, обиженная

каким-то притеснением [Мокиевская-Зубок, 2001: 243]. После начала военных столкновений между противоборствующими сторонами именно женщины заправляли расправами над пленными, которых они обвиняли в гибели своих близких [Моисеев, 1960: 22]. Горожанки и крестьянки сначала терзали буржуазию, потом так же яростно разоблачали большевиков. По мнению очевидца таких изобличений, они руководствовались злобой и чувством мщения за пережитый страх [Борьба за Советы на Севере... , 1926: 98].

Таким образом, эмпирический материал, собранный в архивах, показывает разрыв между внешними проявлениями человеческого поведения и их глубинной подоплекой. За активной общественной ролью, соответствующей, казалось бы, высокой степени социальной зрелости, проступают реакции агрессии и растерянности, рожденные страхом и неопытностью. Так, вхождение покинувшей дом и семью женщины в сообщества, образованные по типу артельно-земляческих групп, могло сделать ее участницей нелегальной деятельности. Исполнение традиционно-патриархальной роли жены нередко приводило ее вслед за мужем «в политику». Опасливость, подозрительность по отношению к чужим и малознакомым людям сочетались с доверчивостью к абстрактным обещаниям, например лучшей жизни. Соблюдение патриархальной иерархии в подчинении и распоряжении делало из женщин преданных исполнительниц, а их скандальное поведение в публичном пространстве становилось провокацией массовых акций (обычай позволял женщине в определенных ситуациях демонстративную делинквентность как свидетельство ее отчаянного положения).

Библиографический список

- Анисимова М., Бобров В.* В конце века: распространение марксизма на Дону // Молот. 1968. 6 мая.
 АПД УДПАР (Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики). Ф. 276. Оп. 2.
 Борьба за Советы на Севере (1918—1919) / Истпарт Архангельского губкома ВКП (б). Архангельск: Изд. кооп. товарищества «Призыв», 1926. 182 с.
 ГААО (Государственный архив Архангельской области).
 ГААО ОДСПИ (Государственный архив Архангельской области. Отдел документации социально-политической истории). Ф. 8660.
 ГАНИПО (Государственный архив новейшей истории Псковской области). Ф. 9952. Оп. 2. Д. 21. Л. 6.
 ГАОО (Государственный архив Одесской области). Ф. 13. Оп. 3. Д. 45. Л. 3.
 ГАРО (Государственный архив Ростовской области).
Головков Г. З. Женское лицо русской революции, 1861—1917. М.: Флинта, 2010. 517 с.
 Женщины-террористки в России: [бескорыстные убийцы] / сост. О. В. Будницкий. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 640 с.
Канищев В. В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе: труды VII конференции ассоциации «История и компьютер». М.: Мосгорархив, 2001. С. 134—159.
Кириянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 8—9.

- Кубышкина М. Л. Психологические особенности мотивации социального успеха: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1997. 222 с.
- Моисеев С. И. Полк рабочей Москвы. М.: Воениздат, 1960. 108 с.
- Мокиевская-Зубок З. С. Гражданская война в России, эвакуация и «сидение» в Галлиполи глазами сестры милосердия военного времени (1917—1923) // Добровольцы: сборник воспоминаний. М.: Русский путь, 2001. С. 241—329. (Наше недавнее; вып. 8).
- НАРА ХДНИ (Национальный архив Республики Адыгея. Хранилище документов новейшей истории). Ф. П-1293. Оп. 1-л.
- СОМК (Старооскольский музей краеведения, Белгородская область). Ф. 5. Оп. 2. Д. 4. Л. 45.
- ЦДНИРО (Центр документации новейшей истории Ростовской области). Ф. Р-12. Оп. 3.
- Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872—1887. М.: Сельхозгиз, 1956. 491 с.
- Hillyar A., McDermid J. *Revolutionary Women in Russia, 1870—1917: a Study in Collective Biography*. Manchester; New York: Manchester University Press, 2000. 232 p.

References

- Anisimova, M., Bobrov, V. (1968) V kontse veka: rasprostranenie marksizma na Donu [At the end of the century: the spread of Marxism on the Don], *Molot*, 6th May.
- Bor'ba za Sovety na Severe (1918 — 1919) (1926) [Fight for the Soviets in the North (1918—1919)], Arkhangel'sk: Izdanie kooperativnogo tovarishchestva "Prizyv".
- Engel'gardt, A. N. (1956) *Iz derevni: 12 pisem, 1872—1887* [From the village: 12 letters, 1872—1887], Moscow: Sel'skokhoziaistvennoe izdatel'stvo.
- Golovkov, G. Z. (2010) *Zhenskoe litso russkoï revoliutsii, 1861—1917* [The female face of the Russian revolution, 1861—1917], Moscow: Flinta.
- Hillyar, A., McDermid, J. (2000) *Revolutionary Women in Russia, 1870—1917: A Study in Collective Biography*, Manchester, New York: Manchester University Press.
- Kanishchev, V. V. (2001) *Mozhno li izmerit' parametry "russkogo bunta"?* [Is it possible to measure the parameters of the "Russian revolt"?], in: *Krug ideï: Istoricheskaia informatika v informatsionnom obshchestve: Trudy VII konferentsii assotsiatsii "Istoriia i komp'iuter"*, Moscow: Moskovskii gorodskoi arkhiv, pp. 134—159.
- Kir'ianov, Iu. I. (1993) *Massovye vystupleniia na pochve dorogovizny v Rossii (1914—fevral' 1917 g.)* [Mass demonstrations on the grounds of high costs in Russia (1914—February 1917)], *Otechestvennaia istoriia*, no. 3, pp. 8—9.
- Kubyshkina, M. L. (1997) *Psikhologicheskie osobennosti motivatsii sotsial'nogo uspekha*: Dis. ... kand. psikhol. nauk [Psychological features of motivation of social success: Diss. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Moiseev, S. I. (1960) *Polk rabocheï Moskvy* [Regiment working in Moscow], Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
- Mokievskaiia-Zubok, Z. S. (2001) *Grazhdanskaia voïna v Rossii, èvakuatsiia i "sidenie" v Gallipoli glazami sestry miloserdiia voennogo vremeni (1917—1923)* [Civil War in Russia, the evacuation and the "seat" of Gallipoli in the eyes of the sister of mercy in time of war (1917—1923)], in: *Dobrovolitsy: Sbornik vospominaniï*, Moscow: Russkii put', pp. 241—329.
- Zhenshchiny-terroristki v Rossii* (1996) [Female bombers in Russia], Rostov-on-Don: Feniks.